

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-15>

УДК 316

Attribution

cc by

**СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ: СИНТЕЗ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Филимонцев А.Ю.

Сбербанк страхование жизни

Аннотация. Алгоритмическое управление, охватывающее корпоративный и государственный секторы, создает качественно новый вызов для классических моделей легитимности. На основе синтеза подходов дискурс-анализа (М. Фуко, Ю. Хабермас, Н. Фэркло, Т. ван Дейк, Э. Лакло и Ш. Муфф), а также количественного контент-анализа и текст-майнинга, в статье предлагается аналитическая рамка для исследования дискурсивных стратегий легитимации алгоритмического управления. Эмпирической базой выступает корпус публичных текстов технологических корпораций и государственных органов за период 2015–2026 гг. Выделены пять стратегий: технократическая, рыночная, эгалитарная, процедурная, делиберативная. Проведен сравнительный анализ западного и российского контекстов, показывающий, что доминирующей в обоих является технократическая стратегия, однако, ее артикуляция различается: в России она связана с риторикой безопасности и государственного контроля, в западном дискурсе – с рыночной свободой. Реконструированы нормативные основания каждой стратегии и оценена их связь с политико-философскими традициями. Обсуждается влияние политического режима на дискурсивные практики легитимации и возможность имманентной критики алгоритмической власти.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, легитимация, дискурсивные стратегии, дискурс-анализ, Фуко, Хабермас, Лакло и Муфф.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**MODERN DISCURSIVE STRATEGIES FOR LEGITIMIZING ALGORITHMIC MANAGEMENT:
SYNTHESIS AND COMPARATIVE ANALYSIS**

Artem Yu. Filimontsev

Sberbank Life Insurance

Abstract. Algorithmic management, encompassing the corporate and public sectors, creates a qualitatively new challenge for classical models of legitimacy. Based on the synthesis of discourse analysis approaches (M. Foucault, J. Habermas, N. Fairclough, T. van Dijk, E. Laclau and S. Mouff), as well as quantitative content analysis and text mining, the article offers an analytical framework for the study of discursive strategies for legitimizing algorithmic management. The empirical base is the corpus of public texts of technology corporations and government agencies for the period 2015–2026. Five strategies are identified: technocratic, market-based, egalitarian, procedural, and deliberative. A comparative analysis of the Western and Russian contexts has been carried out, showing that the technocratic strategy is dominant in both, but its articulation differs: in Russia it is associated with the rhetoric of security and state control, in Western discourse it is associated with market freedom. The normative foundations of each strategy are reconstructed and their connection with political and philosophical traditions is assessed. The influence of the political regime on the discursive practices of legitimation and the possibility of an immanent criticism of algorithmic power are discussed.

Keywords: algorithmic management, legitimization, discursive strategies, discourse analysis, Foucault, Habermas, Laclau and Mouff.

Funding: Independent work.

Введение.

Последнее десятилетие стало периодом стремительного развития алгоритмического управления. Первоначально оно ассоциировалось с деятельностью цифровых платформ – агрегаторами такси (Uber, Яндекс.Такси), маркетплейсами (Ozon, Wildberries), сервисами доставки и социальными сетями. Однако сегодня алгоритмические системы выходят далеко за пределы частного сектора, становясь инструментом государственного управления: они используются для про-

гнозирования преступности (COMPAS), распределения социальных пособий, проверки налоговых деклараций и поддержки судебных решений и т.д.

Распространение алгоритмического управления сопровождается острыми общественными дискуссиями, в ходе которых обсуждаются:

- трансформация трудовых отношений и размывание гарантий [1; 2];
- дискриминация и предвзятость алгоритмов [3];
- непрозрачность «черного ящика» [4];

- риски размывания демократического контроля [5; 6].

Однако в научной литературе остается недостаточно проработанным один важный аспект: Как именно алгоритмическое управление становится легитимным в глазах ключевых акторов и общества? Какие ценностные обоснования, риторические приемы и аргументативные паттерны используются для того, чтобы представить алгоритмическую власть как приемлемую, справедливую или даже необходимую?

Технологические корпорации и государства не навязывают алгоритмические системы силой, они апеллируют к разделяемым ценностям – эффективности, объективности, справедливости, свободе выбора, инновационности. Именно эти апелляции обозначают дискурсивное поле, в котором алгоритмическое управление приобретает нормативную привлекательность. Данная статья предлагает аналитическую рамку для систематического исследования дискурсивных стратегий легитимации алгоритмического управления и представляет результаты сравнительного анализа западного и российского контекстов.

Определение ключевых понятий. Алгоритмическое управление понимается как система принятия решений, координации и контроля, в которой распределение ресурсов, оценка эффективности и дисциплинирование субъектов передаются автоматизированным алгоритмам, часто основанным на методах машинного обучения и больших данных [7].

Операциональными признаками алгоритмического управления выступают:

1. Непрозрачность («черный ящик») – решения принимаются без возможности их полного объяснения для затронутых сторон.

2. Масштабируемость – одни и те же алгоритмические правила применяются к миллионам случаев без пропорционального увеличения управленческого аппарата.

3. Посредованность данными – управление строится на непрерывном сборе, обработке и анализе поведенческих данных.

4. Ассиметрия власти – платформы и государственные органы обладают возможностью одностороннего изменения правил, тогда как пользователи и работники лишены такого влияния [8].

Легитимация трактуется как процесс дискурсивного конструирования нормативных оснований, посредством которого власть или социальный порядок обосновываются как приемлемые, справедливые или необходимые [9]. В контексте алгоритмического управления, легитимация представляет собой публичную аргументацию, в рамках которой корпорации и государственные органы апеллируют к разделяемым ценностям (эффективность, объективность, справедливость, свобода выбора, прозрачность и т.д.) с целью «завоевать» доверие и согласие со стороны управляемых.

Операционно легитимация фиксируется через анализ:

1. Притязаний на значимость (истинность, правильность, искренность) в высказываниях авторов.

2. Режимов истины – того, что в дискурсе считается объективным и научным.

3. Субъективных позиций – конструирования образов, управляющих и управляемых. Дискурсивная стратегия определяется как устойчивый способ аргументации риторических приемов и апелляции к ценностям, используемый социальными группами для обоснования легитимности алгоритмического управления. Операциональными признаками дискурсивной стратегии являются: 1. Узловые точки – привилегированные знаки, вокруг которых организуется дискурс (например, «эффективность», «справедливость», «безопасность»). 2. Артикуляция – соединение узловых точек с другими элементами в цепочки эквивалентности (например, «эффективность = скорость = инновация = общее благо»). 3. Логика различия – противопоставление альтернативным дискурсам и маргинализация контр-аргументов. 4. Антагонизм – вступление в противостояние с другими стратегиями в борьбе за гегемонию [10].

Методология исследования.

Исследование опирается на корпус из 96 публичных текстов (2015–2026 гг.), включающий выступления топ-менеджеров, корпоративные блоги, годовые отчеты, позиции по регулированию, заявления государственных органов и международных организаций, материалы судебных споров. Географически выборка разделена на западный (США, ЕС) и российский контексты.

В качестве дополнительных методов использованы количественный контент-анализ и текст-майнинг (Python: NLTK, sklearn, NetworkX) для построения облаков слов, сетей ассоциаций и частотных распределений.

Процедура дискурс-анализа включала выявление антагонизмов между социальными группами (корпорации vs работники, корпорации vs регуляторы, Запад vs Россия), определение узловых точек, анализ артикуляции и логик эквивалентности/дифференциации, а также определение гегемонной артикуляции. Результаты количественного анализа не заменили качественный, но позволили верифицировать выделенные узловые точки, выявить устойчивые артикуляции и различия между подкорпусами.

Концептуальные основания легитимности: от Вебера к современным типологиям.

Классическая теория легитимности М. Вебера выделяет три «чистых типа» легитимного господства: традиционное, харизматическое и рационально-легальное [11]. Для алгоритмического управления наиболее релевантен третий тип: он формально опирается на правила (код, алгоритм) и апеллирует к рациональности и эффективности. Однако алгоритмическое управление трансформирует саму структуру легитимности: от веры в известные стабильные правила – к вере в эффективность алгоритмов и ритуальному принятию процедур без реального контроля. Рационально-ле-

гальная легитимность предполагает знание правил, тогда как алгоритмы непрозрачны, динамичны и часто неинтерпретируемы [12].

Кроме того, отсутствие реальных механизмов апелляции (коммерческая тайна, необъяснимость решений) делает невозможной проверку правильности применения правил.

Юрген Хабермас переносит акцент с веры на рациональное обоснование. Легитимность возникает, когда притязания на значимость (истинность, правильность, искренность) могут быть признаны рационально мотивированными участниками коммуникации. Хабермас вводит различие между коммуникативным действием (достижение взаимопонимания) и стратегическим действием (успех, часто с манипуляцией). Это позволяет анализировать, являются ли заявления о «прозрачности» или «справедливости» искренним приглашением к диалогу или ритуальными фразами. При этом платформы, как показывают критики, фрагментируют публичную сферу, создавая «фильтрующие пузыри» и «эхо-камеры» [13; 14].

Современные подходы выделяют три типа легитимации:

- результативную (output) – через эффективность;
- процедурную (input) – через прозрачность и участие;
- дискурсивную (throughput) – через качество обсуждения [15; 16]. Алгоритмическое управление создает качественно новый вызов для этих моделей, поскольку его правила непрозрачны и динамичны. Поэтому возникает вопрос о формировании нового типа легитимности, обоснованного эффективностью и удобством [17].

Дискурс-анализ как метод исследования: синтез подходов.

Для изучения дискурсивных стратегий легитимации предлагается синтез пяти подходов дискурс-анализа, который позволяет одновременно фиксировать производство власти через дискурс, качество аргументации и политическую динамику гегемонии.

1. Теория дискурса М. Фуко. Фуко вводит понятие «правительственность» – управление, основанное на знании, нормализации и рационализации [18]. Алгоритмическое управление является новейшей формой правительственности: оно опирается на сбор данных, создает нормативные стандарты (рейтинги, метрики) и направляет поведение через «мягкие» стимулы. Ключевые категории – дискурс (конституирование объектов и субъектов), режим истины (процедуры производства истины), субъективация (конструирование субъектов), технологии власти (инструменты управления).

2. Теория легитимации Ю. Хабермаса. Он вводит нормативные критерии через притязания на значимость: истинность (когнитивные утверждения), правильность (нормативные обоснования) и искренность (экспрессивная составляющая) [19]. Различение коммуникативного и стратегического действия позволяет оценить качество легитимации.

3. Критический дискурс-анализ Н. Фэркло. Трехмерная модель: текст (лексика, грамматика), дискурсивная практика (производство и распространение) и социальная практика (идеологический контекст) [20]. Интердискурсивность выявляет комбинацию различных дискурсов (технического, менеджериального, этического).

4. Когнитивный подход Т. ван Дейка. Идеологический квадрат (позитивная самопрезентация «своей» группы и негативная – «чужой») и ментальные модели (субъективные репрезентации ситуаций) [21].

5. Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Ключевые понятия: узловые точки (привилегированные знаки), артикуляция (соединение элементов), гегемония (фиксация значений), логика эквивалентности/различия.

Эта теории и подходы позволяют увидеть борьбу за гегемонию между различными акторами.

Логика объединения и эвристический потенциал.

Каждый из описанных подходов дает уникальную оптику, однако, их совместное использование требует прояснения как различий, так и способов согласования.

Сильные стороны и ограничения подходов.

Фуко позволяет выявить властные эффекты дискурса, режимы истины и способы конструирования субъектов, но не предлагает нормативных критериев оценки легитимности.

Хабермас, напротив, дает такой критерий (притязания на значимость), однако рискует игнорировать асимметрию власти и конфликтный характер социальных отношений.

Фэркло обеспечивает многоуровневый анализ дискурса (от текста до социальной практики), но его модель часто остается слишком абстрактной для операционализации.

Ван Дейк дополняет анализ когнитивными механизмами (ментальные модели, идеологический квадрат), однако может редуцировать социальное к ментальному.

Лакло и Муфф дают мощный аппарат для анализа борьбы за гегемонию, но их теория уходит от конкретного текстового анализа, сосредотачиваясь на политических артикуляциях.

Эпистемологические расхождения.

Между подходами существуют фундаментальные расхождения:

Фуко рассматривает дискурс как практику производства власти/знания, где легитимация является эффектом режимов истины, а не рациональным обоснованием.

Хабермас же настаивает на возможности рационального консенсуса в публичном дискурсе, свободном от принуждения и манипуляции.

Лакло и Муфф прямо полемизируют с хабермасианской моделью делиберативной демократии,

утверждая, что фиксация значений всегда является результатом гегемонной артикуляции, а не рационального согласия, и что антагонизм неустраим.

Прагматическая комбинация.

Признавая эти расхождения, настоящее исследование предлагает не онтологический синтез (который был бы невозможен), а многоуровневую аналитическую рамку, в которой каждый подход применяется на разных этапах исследования для решения различных задач. Это позволяет сохранить эмпирическую глубину (благодаря Фэркло и ван Дейку), теоретическую рефлексивность (благодаря Фуко и Хабермасу) и политическую остроту (благодаря Лакло и Муффу).

Операционализация: семиступенчатая аналитическая процедура.

Предлагается следующая логика движения: от текстов к стратегиям, от стратегий к нормативным основаниям, от оснований к оценке их легитимирующей силы и гегемонного потенциала.

1. Сбор и первичное кодирование текстов. Текстовый уровень анализа (Фэркло) и микроаналитический инструментарий ван Дейка (лексика, речевые акты, локальное значение). Вклад в исследование – определение эмпирических паттернов, ключевых слов и метафор.

2. Выявление дискурсивных стратегий. Фукодианские категории (режимы истины, субъективация, технологии власти) и интердискурсивность Фэркло. Вклад в исследование – проявление того, как конструируются объекты и субъекты легитимации.

3. Анализ притязаний на значимость. Хабермасианская оптика: истинность, правильность, искренность. Вклад в исследование – обозначение различий коммуникативного и стратегического действия, оценка качества согласованности аргументов.

4. Идеологическая критика. Когнитивный подход ван Дейка (идеологический квадрат, ментальные модели) в сочетании с фукодианским анализом властных эффектов. Вклад в исследование – выявление скрытых предпосылок и стратегий самопрезентации.

5. Гегемонный анализ. Теория дискурса Лакло и Муффу: узловые точки, артикуляция, логики эквивалентности/различия. Вклад в исследование – понимание борьбы значений и закрепления нормативных принципов.

6. Типологизация стратегий. Вклад в исследование – построение классификации по характеру аргументации, адресату и ценностям.

7. Реконструкция нормативных оснований. Объединяет нормативную оценку (Хабермас), анализ режимов истины (Фуко) и гегемонный анализ (Лакло/Муффу). Вклад в исследование – вывод о связи выявленных принципов с политико-философскими традициями.

Типология дискурсивных стратегий легитимации.

В результате дискурс-анализа выделены пять стратегий, каждая из которых представляет собой

устойчивый способ артикуляции узловых точек («эффективность», «справедливость», «свобода», «прозрачность», «безопасность»), отстаиваемый определенной социальной группой и вступающий в антагонизм с альтернативными артикуляциями.

1. Технократическая стратегия. Доминирует в обоих контекстах. Апеллирует к объективности, научности, эффективности и оптимизации.

Алгоритмическое управление представляется через метонимию: «данные», «математика», «оптимизация», «скорость», «точность».

В западной версии цепочка эквивалентности: эффективность = скорость = снижение издержек = инновация = экономический рост = общее благо.

В российской добавляются «импортозамещение» и «цифровой суверенитет»: эффективность = управляемость = безопасность = выполнение государственных задач.

Антагонист – дискурс профсоюзов и левых аналитических центров. Примеры:

Запад – «Машинное обучение позволяет нам принимать решения на основе данных, а не интуиции» [22];

Россия – «Искусственный интеллект снимает ограничения человеческого мозга и позволяет принимать решения на основе полных данных» [23].

Акторы контр-дискурса артикулируют эффективность не как «оптимизацию» и «прогресс», а как «интенсификацию труда», «выгорание» и «усиление неравенства».

Эмпирические исследования показывают, что алгоритмическое управление на платформах ведет к росту производственного травматизма и психологических расстройств среди курьеров и водителей, что подбрасывает риторику «безопасной оптимизации» [24; 25].

В России критика технократической стратегии практически отсутствует в публичном поле, что указывает на подавленность альтернативных дискурсов.

2. Рыночная стратегия. Акцентирует внимание на свободе выбора, конкуренции и инновации.

Характерна для платформ гиг-экономики (Uber, Яндекс.Такси, DoorDash). Узловая точка – «свобода» (негативная свобода выбора). Цепочка: свобода = гибкость = независимость = предпринимательство = возможность заработать.

В российской версии добавляется «самозанятость» и патерналистский элемент: платформа защищает водителя.

Антагонист – профсоюзы и активисты.

Примеры:

Запад – «Наши алгоритмы дают водителям свободу быть самим себе начальниками» [26];

Россия – «Наши водители – это партнеры, а не сотрудники. У них есть свобода выходить на линию в любое время» [27].

Контр-дискурс к рыночной стратегии наиболее ярко проявился в решении Верховного суда Великобритании, признавшего водителей Uber работниками, а не независимыми предпринимателями [28].

Профсоюзы разрывают цепочку эквивалентности, артикулируя «свободу» как «нестабильность», «отсутствие социальных гарантий» и «зависимость от алгоритмического рейтинга».

В России аналогичные иски единичны и, как правило, не удовлетворяются.

3. Эгалитарная стратегия. Обосновывает алгоритмическое управление через справедливость, равенство доступа и борьбу с человеческой предвзятостью.

Узловая точка – «справедливость» (сужаемая до «недискриминации» и «статистического паритета»). Цепочка: справедливость = объективность данных = отсутствие предвзятости = равный доступ.

В России добавляется «доступность госуслуг» и «социальная справедливость» без конкретных механизмов.

Антагонист – критики, настаивающие на учете исторических неравенств и распределительной справедливости.

Примеры:

Запад – «Мы стремимся к тому, чтобы наши алгоритмы не допускали несправедливой дискриминации» [29];

Россия – «Технологии ИИ должны быть направлены на обеспечение равного доступа к государственным услугам» [30].

Контр-дискурс к эгалитарной стратегии представлен исследованиями предвзятости алгоритмов, демонстрирующими, что системы машинного обучения воспроизводят и усиливают социальное неравенство, несмотря на риторику «недискриминации».

В России эгалитарный контр-дискурс практически отсутствует, так как общество технологически не организовано для оспаривания алгоритмических решений.

4. Процедурная стратегия. Фокусируется на прозрачности, подотчетности, возможности обжалования и аудита алгоритмов.

Узловая точка – «прозрачность» (иногда «объяснимость»).

В западном дискурсе цепочка: прозрачность = право на объяснение = аудит = подотчетность = доверие.

В российском добавляется «суверенитет данных» и «контроль государства».

Антагонизм – сопротивление корпораций.

Примеры:

Запад – «Ответственный подход к ИИ требует, чтобы системы были подотчетными, а люди могли оспаривать важные решения» [31];

Россия – Федеральный закон № 258-ФЗ [32] требует уведомления регулятора, но механизмы апелляции не работают.

В ЕС Европейская комиссия в проекте AI Act артикулирует «прозрачность» через требование объяснимости для систем высокого риска и создание регуляторных «песочниц» для инноваций [33].

Корпорации (Microsoft, Google), в свою очередь, сопротивляются, артикулируя прозрачность как

«публикацию общих принципов» (но не кода), что сохраняет коммерческую тайну.

Данный антагонизм институционализирован в противостоянии между предложениями ЕС (обязательная оценка соответствия) и лоббистскими позициями технологических гигантов.

В России же аналогичный антагонизм практически отсутствует: упомянутый ранее Федеральный закон требует уведомления регулятора и оценки рисков, но не раскрытия алгоритмов и не предоставляет гражданам реальные механизмы апелляции. Судебная практика встает на сторону платформ, ссылаясь на коммерческую тайну [34].

Сравнение этих кейсов подтверждает, что процедурная стратегия в российском контексте не просто слабее, а имеет принципиально другую артикуляцию: она обращена не к гражданам, а к государству как к контролеру.

5. Делиберативная стратегия. Наименее распространена. Акцентирует участие, общественное обсуждение, многостороннее согласование норм. Узловые точки – «участие» и «публичный диалог». Цепочка: участие = инклюзивность = согласие = коллективное принятие решений = демократическая легитимность.

Антагонизм – корпорации и большинство государств (особенно Россия) артикулируют ее как «неэффективное замедление».

Примеры:

Запад – Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ [35] требует «многостороннего и многозаинтересованного участия»;

В России же экспертные советы при Госдуме носят сугубо консультативный характер, а контр-дискурс практически отсутствует, ввиду несформированности традиции независимого участия в технологической политике.

Сравнительный анализ западного и российского контекстов.

Доминирующей в обоих контекстах является технократическая стратегия, однако ее артикуляция различается. В западном дискурсе она сочетается с рыночной свободой и процедурной подотчетностью; в российском – тесно связана с риторикой безопасности, государственного контроля и суверенитета.

Российский дискурс значительно чаще апеллирует к эффективности и безопасности, реже – к свободе и прозрачности.

Западный дискурс более сбалансирован.

Сравнение корпоративных и регуляторных текстов (в западном подкорпусе) показывает: регуляторные тексты в 3,2 раза чаще используют «прозрачность» и в 2,7 раза – «подотчетность», чем корпоративные. Корпоративные тексты в 4,1 раза чаще используют «инновация» и в 2,5 раза – «скорость», что отражает антагонизм между процедурной и технократической стратегиями.

Нормативные основания и связь с политико-философскими традициями.

Каждая стратегия укоренена в определенной традиции:

- технократическая – в утилитаризме (И. Бен-там, Дж. Ст. Милль) и технократизме (Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт);

- рыночная – в классическом либерализме (Дж. Локк, А. Смит) и неолиберализме (Ф. Хайек, М. Фридман);

- эгалитарная и процедурная – в либеральной теории справедливости (Дж. Ролз) и правовой традиции (Л. Фуллер); делиберативная – в республиканизме и хабермасианской демократии.

Однако в реальном дискурсе либеральные ценности редуцируются до технических метрик или ритуальных процедур: свобода превращается в возможность выбора из алгоритмически заданных опций, справедливость – в статистический паритет, прозрачность – в публикацию документации. Это создает возможность для имманентной критики: показывать, что практика алгоритмического управления не соответствует провозглашаемому либеральным идеалам, и требовать не отмены алгоритмов, а перестройки систем в соответствии с подлинной автономией, процедурной справедливостью и подотчетностью.

Обсуждение. Результаты.

Исследование подтвердило, что ключевые акторы цифрового капитализма и государственного управления используют пять основных дискурсивных стратегий легитимации, в которых нормативные основания алгоритмической власти конструируются через

апелляцию к эффективности, свободе, справедливости, прозрачности и участию. Доминирующие стратегии (технократическая и рыночная) трансформируют либеральные ценности, лишая их содержательной глубины.

В странах ЕС и США борьба за гегемонию осуществляется в условиях плюралистической институциональной среды, где корпорации, профсоюзы, регуляторы и гражданские акторы обладают сравнимыми ресурсами для артикуляции своих позиций.

В российской институциональной среде, напротив, наблюдается более высокая степень централизации дискурсивных практик, что отражается в меньшей представленности контр-дискурсов в публичном поле.

Заключение.

Полученная типология и выводы могут быть использованы при разработке политики регулирования алгоритмических систем (требования к обоснованию решений, прозрачности, механизмам апелляции).

Предложенная аналитическая рамка применима для мониторинга дискурсивных практик технологических корпораций и оценки их соответствия заявленным нормативным принципам.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение корпуса за счет внутренних документов компаний, сравнительный анализ стратегий легитимации в разных отраслях и политических режимах, а также на изучение восприятия и оспаривания стратегий адресатами легитимации (работниками, пользователями, гражданскими активистами).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Rosenblat A. *Uberland: How Algorithms Are Rewriting the Rules of Work*. - Oakland: University of California Press, 2018. - 288 p. DOI: 10.1525/9780520970632
2. Wood A. J., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. *Good Gig, Bad Gig: Autonomy and Algorithmic Control in the Global Gig Economy* // *Work, Employment and Society*. - 2019. - Vol. 33, No. 1. - P. 56-75. DOI: 10.1177/0950017018785616
3. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. *Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks* // *ProPublica*. - 2016.
4. Pasquale F. *The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information*. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. - 320 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674736061
5. Danaher J. *The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation* // *Philosophy & Technology*. - 2016. - Vol. 29, No. 3. - P. 245-268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1 EDN: SSAYVR
6. Eubanks V. *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. - New York: St. Martin's Press, 2018. - 272 p.
7. Kellogg K. C., Valentine M. A., Christin A. *Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control* // *Academy of Management Annals*. - 2020. - Vol. 14, No. 1. - P. 366-410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174 EDN: MUVVCQ
8. Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. - New York: PublicAffairs, 2019. - 704 p.
9. Habermas J. *Вовлечение другого: Очерки политической теории*. - СПб.: Наука, 2000. - 417 с.
10. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. - 2nd ed. - London: Verso, 2001. - 198 p.
11. Weber M. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. - М.: РОССПЭН, 2011. - 656 с.
12. Wachter S., Mittelstadt B., Floridi L. *Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation* // *International Data Privacy Law*. - 2017. - Vol. 7, No. 2. - P. 76-99. DOI: 10.1093/idpl/ix005
13. Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. - New York: Penguin Press, 2011. - 294 p.
14. Sunstein C. R. *Republic.com 2.0*. - Princeton: Princeton University Press, 2007. - 251 p.

15. Scharpf F. W. *Governing in Europe: Effective and Democratic?* - Oxford: Oxford University Press, 1999. - 214 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198295457.001.0001
16. Schmidt V. A. *Democracy and Legitimacy in the European Union Revisited: Input, Output and 'Throughput'* // *Political Studies*. - 2013. - Vol. 61, No. 1. - P. 2-24. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x
17. Кузнецов Г. Цифровая легитимность // *Государство*. - 2025. - № 1. - С. 17-19.
18. Foucault M. *История безумия в классическую эпоху*. - СПб.: Университетская книга, 1996. - 576 с.
19. Habermas J. *Теория коммуникативного действия*. Т. 1. - М.: Весь мир, 2005. - 384 с.
20. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. - 2nd ed. - London: Routledge, 2013. - 591 p. DOI: 10.4324/9781315834368
21. van Dijk T. A. *Politics, Ideology, and Discourse* // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / Ed. by K. Brown. - Oxford: Elsevier, 2004. - P. 185-192.
22. Google. *The Value of Machine Learning for Users*. Google Blog. - 2018.
23. Греф Г. *Выступление на конференции AI Journey*. - Сбep, 2021.
24. ILO. *World Employment and Social Outlook: The Role of Digital Labour Platforms in Transforming the World of Work*. - Geneva: International Labour Office, 2021. - 176 p.
25. Tassinari A., Maccarrone V. *Riders on the Storm: Workplace Solidarity among Gig Economy Couriers in Italy and the UK* // *Work, Employment and Society*. - 2020. - Vol. 34, No. 1. - p. 35-54. DOI: 10.1177/0950017019862954
26. Khosrowshahi D. *Keynote Speech at Uber Elevate Summit*. - 2017.
27. Шулейко Д. *Интервью РБК*. - 2023.
28. *Uber BV and others v Aslam and others*, UKSC 5 - 2021.
29. Google AI. *Responsible AI Practices*. - 2020.
30. Минцифры РФ. *Концепция развития регулирования технологий искусственного интеллекта*. - М., 2025.
31. Microsoft. *Responsible AI Principles*. - 2018.
32. *Федеральный закон № 258-ФЗ "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020*.
33. European Commission. *Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act)*. - Brussels, 2021. - 108 p.
34. *Решение Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-175036/2023*. - 2023.
35. UNESCO. *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence*. - Paris: UNESCO, 2021. - 55 p.
- References:**
1. Rosenblat A. *Uberland: how algorithms rewrite the rules of operation*. Oakland: University of California Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1525/9780520970632
2. Wood A. J., Graham M., Ledonvirta V., Hjort I. *Good work, bad work: autonomy and algorithmic control in the global gig economy* // *Labor, Employment and Society*. - 2019. - Volume 33, No. 1. - pp. 56-75. DOI: 10.1177/0950017018785616
3. Engwin J., Larson J., Mattu S., Kirshner L. *Machine bias: Software is being used across the country to predict future criminals. And it is biased against blacks* // *ProPublica*. - 2016.
4. Pasquale F. *The Black Box Society: secret algorithms that manage money and information*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2015. 320 p. DOI: 10.4159/harvard.9780674736061
5. Danaher J. *The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Adaptation* // *Philosophy and Technology*. - 2016. - Volume 29, No. 3. - pp. 245-268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1 ELECTRONIC resource: SSAYVR
6. *Eubanks against Automating the Fight against inequality: How high-tech tools identify, control, and Punish the poor*. - New York: St. Martin's Press, 2018. - 272 p.
7. Kellogg K. S., Valentine M. A., Kristin A. *Algorithms in action: a new problematic area of control* // *Annals of the Academy of Management*. - 2020. - Volume 14, No. 1. - pp. 366-410. DOI: 10.5465/annals.2018.0174 ed.: MUVVCQ
8. Zuboff S. *The era of supervisory capitalism: the struggle for the future of humanity at the new frontiers of power*. - New York: PublicAffairs, 2019. - 704 p.
9. Habermas J. *The Appeal of the Other: Essays on Political Theory*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000, 417 p.
10. Laclós E., Mouffe K. *Hegemony and socialist strategy: on the way to a radical democratic policy*. - 2nd ed. - London: Verso, 2001. - 198 p.
11. Weber M. *Selected works: State policy and double capital*. - M.: RUSSIA, 2011. - 656 p.
12. Vakhter S., Mittelstadt B., Floridi L. *Why is there no right to clarify the automated decision-making process in the General Data Protection Regulation* // *International data privacy legislation*. - 2017. - Volume 7, No. 2. - pp. 76-99. DOI: 10.1093/idpl/ix005
13. Pariser E. *Filter bubble: what the Internet is hiding from you*. - New York: Penguin Press, 2011. - 294 p.
14. Sunstein K. R. *Republic.com 2.0*. - Princeton: Princeton University Press, 2007. - 251 p.
15. Scharpf F. V. *Public administration in Europe: effective and democratic?* Oxford: Oxford University Press, 1999. 214 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198295457.001.0001
16. Schmidt V. A. *Democracy and legitimacy in the European Union in a new light: entry, exit and "throughput"* // *Political Studies*. - 2013. - Volume 61, No. 1. - pp. 2-24. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2012.00962.x
17. Kuznetsov G. *Digital legitimacy* // *The State*. - 2025. - No. 1. - pp. 17-19.
18. Foucault M. *The history of the mind in the classical sense*. St. Petersburg: University Book, 1996. 576 p.
19. Habermas J. *Theory of the communication state*. Vol. 1. Moscow: The Whole World, 2005. 384 p.
20. Fairclough N. *Critical discursive analysis: a critical study of language*. - 2nd ed. - London: Routledge, 2013. - 591 p. DOI: 10.4324/9781315834368
21. van Dijk T. A. *Politics, ideology and discourse* // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / edited by K. Brown. Oxford: Elsevier, 2004. pp. 185-192.
22. Google. *The value of machine learning for users*. Google Blog. - 2018.

-
23. Greg G. *A proposal to create an AI journey*. - Sber, 2021.
 24. *The ILO. Prospects for employment and social development in the world: the role of digital labor platforms in transforming the world of work*. Geneva: International Labour Office, 2021. 176 p.
 25. Tassinari A., Maccarrone V. *Riders during the Storm: Solidarity in the workplace among economic couriers in Italy and the UK // Labor, Employment and Society*. - 2020. - Volume 34, No. 1. - pp. 35-54. DOI: 10.1177/0950017019862954
 26. Khosrowshahi D. *Keynote address at the Uber Elevate Summit*. - 2017.
 27. Shuleyko D. *Interview with RBC*. - 2023.
 28. *Uber BV and others vs. Aslam and others*, UKSC 5 - 2021.
 29. *Google's artificial intelligence. Responsible practice in the field of artificial intelligence*. - 2020.
 30. *Ministry of Finance of the Russian Federation. The concept of regulation of artificial intelligence technologies*. Moscow, 2025.
 31. *Microsoft. Principles of Responsible AI*. - 2018.
 32. *Federal Law No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Field of digital and Technological Innovations in the Russian Federation"* dated 07/31/2020.
 33. *The European Commission. A proposal for a Regulation establishing harmonized rules in the field of artificial intelligence (the Artificial Intelligence Act)*. - Brussels, 2021. - 108 p.
 34. *Statement of the Arbitration Court of the Moscow District in case no.A40-175036/2023*. - 2023.
 35. *UNESCO. Recommendation on the ethics of artificial intelligence*. Paris: UNESCO, 2021. 55 p.

Информация об авторе:

Филимонцев Артём Юрьевич, Сбербанк страхование жизни; <https://orcid.org/0009-0008-7770-3739>, f_tema@bk.ru
Artem Yu. Filimontsev, Sberbank Life Insurance.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.07.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 21.07.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.